

Стратегия цифровой экономики
Digital economy strategies

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-89-154-172

Выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую
активность молодежи¹

Леонтьева Лидия Сергеевна

Доктор экономических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: leontieva@spa.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [6508-6503](https://elibrary.ru/SPIN.asp?SPIN=6508-6503)

Кудина Марианна Валерьевна

Доктор экономических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: kudina@spa.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [5515-5825](https://elibrary.ru/SPIN.asp?SPIN=5515-5825)
ORCID ID: [0000-0003-3923-515X](https://orcid.org/0000-0003-3923-515X)

Воронов Александр Сергеевич

Кандидат экономических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: voronov@spa.msu.ru
SPIN-код РИНЦ: [4606-5045](https://elibrary.ru/SPIN.asp?SPIN=4606-5045)
ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](https://orcid.org/0000-0003-0058-9217)

Аннотация

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью выявления векторов влияния цифровой среды на формы, уровни и направления социально-политической активности молодежи. Целью представленной статьи является выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую активность молодежи в зависимости от дифференциации групп по основным социально-экономическим характеристикам, определяющим степень и конвенциональность гражданско-политической активности. Основные методологические подходы включают когнитивный и информационно-институциональный подход; использован также метод онлайн-анкетирования (август–ноябрь 2021 г., выборка — 1982 респондента в возрасте от 14 до 35 лет из всех федеральных округов России). Представлены результаты исследования по формированию социального портрета типичных представителей молодежи в цифровой среде с целью выявления степени ее влияния на конкретные молодежные группы; определены положительные и отрицательные характеристики цифровой информации и качества ее влияния на практику сетевого взаимодействия, на распределение цифрового времени у конкретных групп молодежи, вовлеченных в социально-политические общественные практики. С помощью качественных и количественных методов проведен сравнительный анализ результатов по выявлению взаимозависимости базовых возрастных и социальных характеристик (статус, финансовое положение и т.д.) и ментальной заинтересованности в получении цифровой информации и ее использовании в целях формирования активной жизненной позиции. В результате выявлено, что наиболее социально активной является группа в возрасте 16–23 лет. В целом выделены следующие группы молодежи по социальным характеристикам, которые оказывают влияние на степень участия в реальных общественных практиках: «инфантильная группа», «взрослая группа» и «промежуточная группа», что в некоторой степени развивает и дополняет исследования других авторов по определению вектора влияния цифровой среды на социальную активность молодежи. Дальнейшее развитие исследования будет направлено на уточнение причин и факторов, определяющих дифференциацию состояния социально-политической активности в разных возрастных группах молодежи. Это позволит таргетировать государственную социальную политику по фокусированию интересов молодежных сообществ и вовлечению их в позитивные социальные практики. Становится возможной также разработка принципов и инструментария проактивной государственной социально-экономической политики на федеральном и региональном уровнях, направленной на предотвращение деструктивного и девиантного поведения в молодежной среде.

Ключевые слова

Цифровая среда, социальный портрет молодежи, социально-политическая активность, государственная молодежная политика, дифференциация групп молодежи.

Revealing a Degree of Digital Environment Influence on Socio-Political Activity of
Young People²

Lidiya S. Leontieva

DSc (Economics), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: leontieva@spa.msu.ru

Marianna V. Kudina

DSc (Economics), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: kudina@spa.msu.ru
ORCID ID: [0000-0003-3923-515X](https://orcid.org/0000-0003-3923-515X)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31277.

² The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31277.

Aleksandr S. Voronov

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0003-0058-9217](https://orcid.org/0000-0003-0058-9217)

Abstract

The relevance of this study is determined by the need to identify vectors of the digital environment's influence on the forms, levels and directions of socio-political activity of young people. The purpose of the presented article is to identify the degree of influence of the digital environment on the socio-political activity of young people, depending on the differentiation of groups according to the main socio-economic characteristics that determine the degree and conventionality of civil and political activity. The main methodological approaches were cognitive and information-institutional; the method of online questionnaire was used (August–November 2021, the sample was 1982 respondents aged 14 to 35 from all federal districts of Russia). The article presents the results of a study on the formation of a social portrait of typical youth representatives in the digital environment in order to identify the degree of its influence on specific youth groups. The positive and negative characteristics of digital information and the quality of its influence on the practice of networking, on the distribution of digital time among specific groups of young people involved in socio-political public practices are determined. Using qualitative and quantitative methods, a comparative analysis of the results was carried out to identify the interdependence of basic age and social characteristics (status, financial situation, etc.) and mental interest in obtaining digital information and its use in order to form an active life position. It was revealed that the most socially active group is at the age of 16–23 years. In general, the following groups of young people were identified by social characteristics that influence the degree of participation in real social practices: “infantile group”, “adult group” and “intermediate group”, which to some extent develops and complements the research of other authors to determine the vector of influence of the digital environment on the social activity of young people. Further development of the study will be aimed at clarifying the causes and factors determining the differentiation of the state of socio-political activity in different age groups of young people. This will make it possible to target the state social policy to focus the interests of youth communities and involve them in positive social practices. Also, it becomes possible to develop principles and tools for proactive state socio-economic policy at the federal and regional levels aimed at preventing destructive and deviant behavior among young people.

Keywords

Digital environment, social portrait of the youth, socio-political activity, state youth policy, differentiation of youth groups.

Введение

Динамичное развитие на основе цифровых технологий охватывает все возрастные группы и социальные слои современного российского общества. Оно заключается в формировании проникающего воздействия цифровой среды на экономические, политические, социальные и ментальные процессы, трансформируя скорость, качество, базовые характеристики как их самих, так и всех групп участников. Возникают принципиально новые социально-психологические явления, связанные с высоким уровнем социальной динамики, одним из проявлений которой становится повышение социально-политической активности молодежи. Расширение горизонтов получения новой информации через сетевое общение способствует ее многовекторности как в положительном, так и в отрицательном направлении. Состояние социально-политической активности становится одним из важнейших индикаторов жизненных стратегий определенных групп молодежи. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Именно поэтому важными исследовательскими практическими задачами и целью представленной статьи является выявление степени влияния цифровой среды на социально-политическую активность молодежи в зависимости от дифференциации групп по основным социально-экономическим характеристикам, определяющим степень и конвенциональность гражданско-политической активности. Результаты, полученные в ходе анализа, развивают и дополняют сложившиеся подходы и существующие в этой области исследования и составляют научную новизну настоящей работы.

Цифровая среда и социально-политическая активность молодежи

Жизнь современной молодежи невозможно представить без использования информационных и коммуникационных технологий. Для нее цифровая среда вообще и цифровые средства коммуникации в частности создают неограниченные возможности для проявления своей индивидуальности, шанс присоединиться к группам, которые, по их мнению, исповедуют аналогичные ценности и отвечают их представлениям о современном мире.

Качество имплементации цифровых навыков в личностное развитие формирует новый тип культуры, которую можно охарактеризовать как культуру цифрового развития и формирования цифрового менталитета. В начале 2000-х гг. подобные тенденции оценивались исключительно на философско-концептуальном уровне западными философами [Gere 2002]. Практика сетевого взаимодействия на тот момент не достигла уровня всеобщности, влияния на процессы социально-политической активности молодых людей, групповую динамику [Green, Brady 2013]. Такая структуризация создает объективные условия для формирования относительно автономных групп молодых людей, которые оценивают роль онлайн-взаимодействия как способа концентрированного обобщения групповых потребностей в социальной, экономической, культурной и других сферах. С точки зрения вектора институционального воздействия на развитие цифровой среды и цифровых сервисов для формирования позитивных моделей социально-политического поведения необходимы специальные усилия в сфере государственного регулирования цифрового контента.

Коммуникационная цифровая среда является мультипликатором активного взаимодействия: она постоянно меняется благодаря реагированию на социально-политические события субъектами этой среды (лидерами мнений, существующими и потенциальными интернет-сообществами). Скорость и многообразие современных технологий цифровой среды, появление новых цифровых форматов, «экономики доверия», «экономики внимания», «менеджмента впечатлений», «экономики совместного использования» придают социальной активности не только временные характеристики, но и дополнительные фундаментальные основания для перехода из групп ситуационной активности в группы формирования базовых интернет-стратегий.

Для большинства групп молодых людей социально-политическая активность формируется благодаря постоянному присутствию в цифровой среде как в качестве ее субъектов, так и в качестве ее объектов. Результаты воздействия цифрового пространства переносятся на различные формы социально-политического участия молодежи в реальных событиях. С учетом отсутствия навыков «фильтрации» разнонаправленной, зачастую негативной и неправдивой информации, отсутствия ментального и институционального самоопределения реальные практики социально-политической активности могут принимать как социально значимые позитивные, так и социально опасные формы, реализуемые маргинальными способами. Налицо изменения форм социального процесса, которые в той или иной степени отражают реальную социально-политическую активность молодежи вообще и студенческой молодежи в частности: демонстрации, массовые митинги, одиночные пикеты, массовые перформансы, флешмобы [Истягина-Елисеева и др. 2020]. Так, по мнению О.А. Блиновой и Ю.А. Горбуновой, «серьезную проблему для общества представляет калькированный перенос молодежью своей социально-политической активности из пространства социальных сетей в пространство реального социума и наоборот. Последствия такого переноса крайне сложно прогнозировать, а значит, профилактировать и предотвращать» [Блинова, Горбунова 2021, 25].

Цифровизация взаимодействия по поводу политического участия приводит к активному вовлечению в политическую жизнь молодежи в возрасте 14–18 лет в связи с тем, что они располагают свободным временем, нереализованными амбициями и абстрактным представлением о политических процессах и резонансных политических событиях. Цифровая среда толкает подростков и молодых людей на участие в маргинальных политических практиках и в связи с их возрастными особенностями

[Кружкова и др. 2021]. Именно поэтому при разработке государственной проактивной политики необходимо учитывать ментальную и ценностную «податливость» этой группы молодежи и прилагать максимум межведомственных (правительственных) и общественных усилий в разработке эффективных инструментов позитивной социальной ориентации подростковой группы молодежи [Камалова, Соловьев 2020]. Необходимо учитывать при этом региональную специфику, которая связана с различием состояния исторических, социальных и религиозных факторов совокупных организационных культур регионов [Леонтьева 2019].

Проблемное поле исследования связано с определением факторов и причин дифференциации форм и направлений социально-политической активности различных групп молодежи. Определяющими характеристиками цифровой среды в этом случае становятся простота и скорость поиска единомышленников, объединяющие ресурсы Интернета, возможность переноса дискуссионных площадок в интернет-пространства, перспективы интеллектуального роста и получения альтернативного интернет-образования. На сегодняшний день на просторах Интернета присутствует огромное количество образовательных интернет-программ в области гуманитарных и социально-политических наук, которые претендуют на статус альтернативного образования. Однако, в отличие от университетских программ, они не проходят процесс профессионального рецензирования, поэтому их содержание может иметь как позитивную, так и негативную образовательную направленность. По мнению О.В. Степанова и М.О. Пухкаловой, высказанному еще в 2009 г., «становление государственной молодежной политики идет в условиях трансформации основных институтов социализации, сопровождающейся деформацией ценностно-нормативного механизма социальной регуляции» [Степанов, Пухкалова 2009, 32] и социального контроля, усиление которого необходимо в условиях развития национальной цифровой среды.

По мнению Е.В. Бродовской и Т. Хуанга, возникает поколение «цифровых бунтарей», выражающих свою политическую субъектность и возросший потенциал влияния через использование интеллектуальных ресурсов для реализации новых цифровых форматов [Бродовская, Хуанг 2019, 7]. При этом «в России Интернет является одним из немногих источников идеологически-альтернативной информации, что сильно влияет на формирование протестных установок» [Леньков и др. 2021, 33]. Протестная активность в цифровой среде является наиболее распространенной формой социально-политической активности, чему способствуют простота и доступность коммуникационного инструментария (электронная почта, мессенджеры, чаты, онлайн-дискуссии).

В составе населения можно выделить две основные группы по степени протестной активности, в которых доля молодежи является значительной. Первая группа — «протестники», открыто декларирующие свою потенциальную активность к участию в акциях массового протеста против падения уровня жизни в защиту своих прав и свобод (молодежь 18–25 лет составляет 39% от данной группы); вторая группа — «социальные активисты», активно участвующие в общественной и политической жизни (молодежь 23–35 лет составляет 39% от данной группы). В соответствии с выделенными группами молодежи можно определить, что при формировании личных позиций группы придерживаются либо асоциальных, либо просоциальных практик поведения. При этом обе группы практик отражают высокую степень социально-политической активности³.

³ Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: автореф. дис... канд. социол. наук. Саранск, 2015.

Интересным и актуальным представляется подход, предложенный группой исследователей (Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров), построенный на использовании метода кластеризации. Авторы выделили три группы социально активной молодежи на основе типов профессиональной культуры и гражданской адаптации. Первая группа — «прагматики»: демонстрируют аполитичность, нейтральное отношение к большинству политических онлайн-практик, сдержанную оценку безграничного выражения мнений в Интернете. Вторая группа — это «идеалисты», которые активно используют сетевое политическое участие для выражения политических идей на онлайн-площадках, участвуют в электронных петициях, считают возможным поддерживать сетевую деятельность политических партий и объединений. Третья группа — «традиционалисты», которые скептически относятся к собственному политическому участию в цифровой среде, негативно оценивают все политические онлайн-практики, признают значимость контроля над интернет-ресурсами [Бродовская и др. 2019].

Методология и методика исследования

К ключевым методологическим подходам относятся когнитивный подход, позволяющий определить степень влияния цифровой среды на изменение личных и групповых стратегий молодых интернет-пользователей, направленных на изменение фокуса социально-политической активности; информационно-институциональный подход, позволяющий выявить и обобщить новые нормы и правила, формирующиеся в молодежной среде в процессе сетевого общения, оценить прямое и обратное воздействие институтов цифровой среды на целевые эффекты группового поведения разных групп молодежи.

В проведенном авторами исследовании использованы результаты массового опроса молодежи в формате онлайн-анкетирования (август–ноябрь 2021 г.), выборка составила 1982 респондента репрезентативно по полу, возрасту, представленности всех групп молодежи, территориальной принадлежности. В разрезе федеральных округов респонденты расположились следующим образом: Центральный федеральный округ (ЦФО) — 61,7%, Южный федеральный округ (ЮФО) — 16,9%, Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) — 10%, Приволжский федеральный округ (ПФО) — 4,2%, Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) — 2,7%, Северный федеральный округ (СФО) и Уральский федеральный округ (УрФО) — по 1,5%, Дальневосточный федеральный округ (ДФО) — 1,4%. Онлайн-анкетирование проводилось с использованием платформы Google и приглашением потенциальных респондентов, содержащим представление информации о целях осуществляемого исследования.

Результаты исследования

Результаты проведенного опроса показали, что группа молодежи в возрасте от 16 до 23 лет (87%) является наиболее активной когортой, хотя равный доступ к участию в опросе был организован для всех групп молодежи. В соответствии с авторской гипотезой и результатами исследования, именно эта группа проявляет наиболее высокую социальную и социально-политическую активность, откликается на участие в опросах и онлайн-дискуссиях, реализуя возможность высказать свои настроения и ценности. Распределение респондентов по возрастам представлено на Рисунке 1.

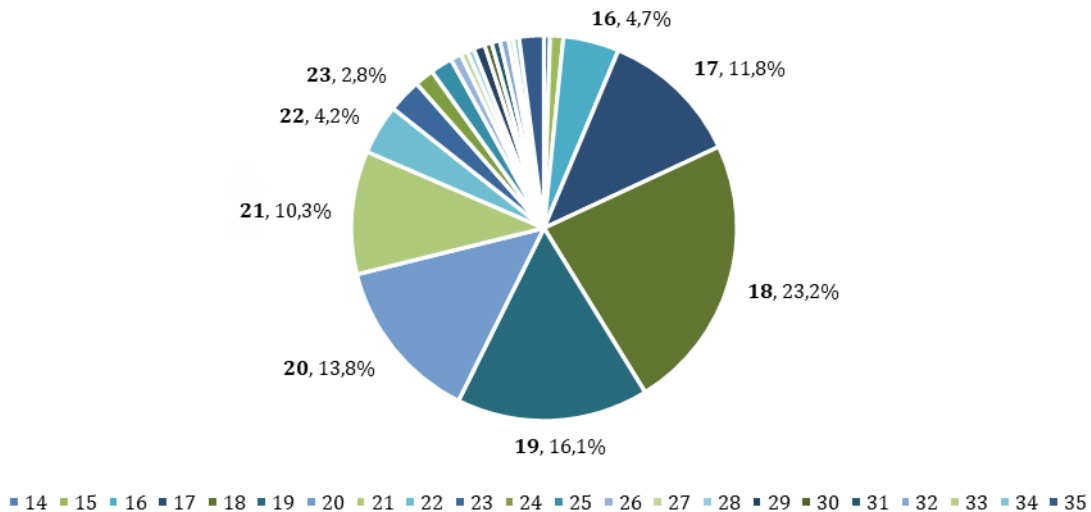


Рисунок 1. Распределение респондентов по возрастам⁴

Большая часть респондентов представлена студенческой молодежью (55,1% и 5,7% — студенты бакалавриата/специалитета и студенты магистратуры соответственно), а также учащимися техникумов и колледжей (24,7%). Значительную долю опрошенных составила работающая молодежь (17%). Распределение респондентов по их социальным статусам представлено на Рисунке 2.



Рисунок 2. Распределение респондентов по социальным статусам⁵

Респонденты относятся к активным пользователям цифрового пространства: цифровая среда практически поглощает и рабочее, и большую часть свободного времени молодежи вне зависимости от их возраста и социального статуса (см. Рисунок 3). Только 2,7% респондентов проводят в цифровой среде суммарно по работе и/или учебе и для досуга не более 4 часов в день; напротив, 39,6% респондентов проводят в цифровой среде более трети суток (от 8 часов в день). При этом в числе последних преобладают студенты бакалавриата/специалитета (53,4%), учащиеся

⁴ Составлено авторами.

⁵ Составлено авторами. Примечание: Вопрос с множественным выбором: респонденты имели возможность выбрать более одного ответа (например, «кандидат наук» и «предприниматель»; «студент магистратуры» и «работаю в организации» и т.д.). В связи с этим сумма ответов (2455) превышает число респондентов в выборке (1982); доля респондентов, указавших соответствующий статус, рассчитана от общего числа респондентов, поэтому их сумма превышает 100%.

техникумов и колледжей (26,2%) и работники организаций (16,8%); среди тех, кто проводит в цифровой среде менее 4 часов в день, это также лидирующие группы (в том же порядке), но доли студентов бакалавриата/специалитета (39,6%) и учащихся техникумов/колледжей (20,8%) в этой группе существенно ниже, в то время как доли самозанятых (11,3%) и предпринимателей (5,7%) здесь статистически значимо выше, чем их доли в группе наиболее активных пользователей цифровой среды (5,5% и 0,9% соответственно).

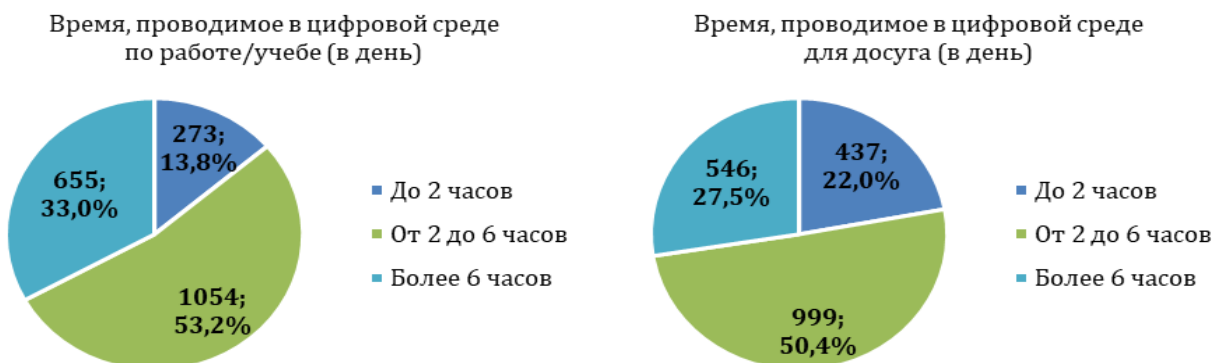


Рисунок 3. Распределение респондентов по количеству времени, проводимому ими в цифровой среде⁶

Для учета в социальном портрете фактора социальной инфантильности и сепарации от родителей респондентам были заданы вопросы «Место, в котором Вы проживаете большую часть времени» (Рисунок 4) и «Укажите все имеющиеся у Вас источники средств к существованию» (Рисунок 5), что было направлено на определение степени их самостоятельности и независимости. Представленный подход к этому показателю совпадает с мнением исследователей Ж.В. Пузановой, Т.И. Лариной и А.Г. Тертышниковой [Пузанова и др. 2021, 446].

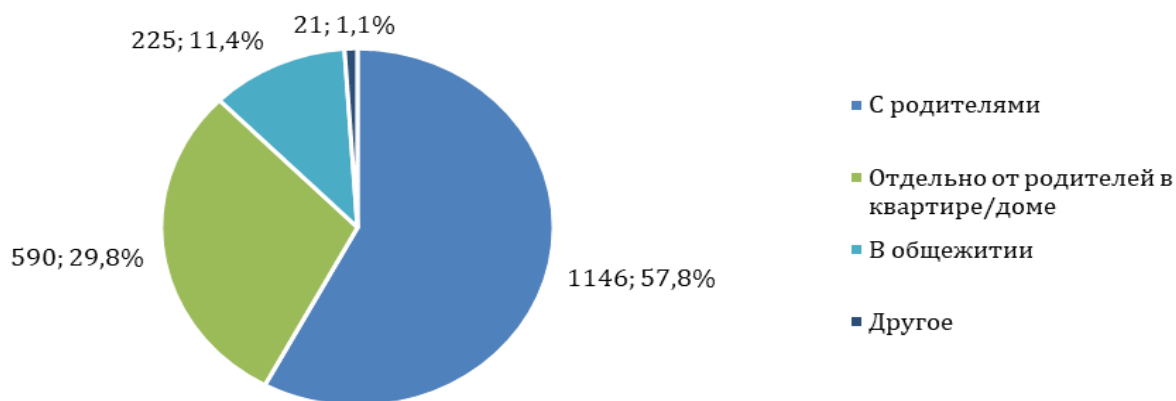


Рисунок 4. Распределение респондентов по местам проживания⁷

⁶ Составлено авторами.

⁷ Составлено авторами.



Рисунок 5. Распределение респондентов по источникам дохода⁸

Благодаря проведенному анализу удалось выявить три четко очерченные молодежные группы с точки зрения финансовой зависимости и сепарации от родителей: те, кто проживает с родителями и финансово зависит от них; те, кто имеет зависимость от родителей либо в жилищном, либо в финансовом аспекте (поскольку факт проживания вместе с родителями еще не означает наличия финансовой зависимости, как и отдельное от родителей проживание не означает финансовой независимости от них); и те, кто независим от родителей в плане места проживания и финансового благополучия. Более подробно эти группы описаны и проанализированы ниже после представления результатов опроса.

В рамках онлайн-анкетирования респондентам также задавался вопрос о целях, с которыми они используют Интернет, обеспечивая себе, таким образом, присутствие в цифровой среде (Рисунок 6).

⁸ Составлено авторами. Примечание: Вопрос с множественным выбором: респонденты имели возможность выбрать более одного ответа (например, «стипендия» и «обеспечение со стороны других лиц»; «зарботная плата» и «пенсии, другие пособия и выплаты» и т.д.). В связи с этим сумма ответов (3684) превышает число респондентов в выборке (1982); доля респондентов, указавших соответствующий статус, рассчитана от общего числа респондентов, поэтому их сумма превышает 100%.

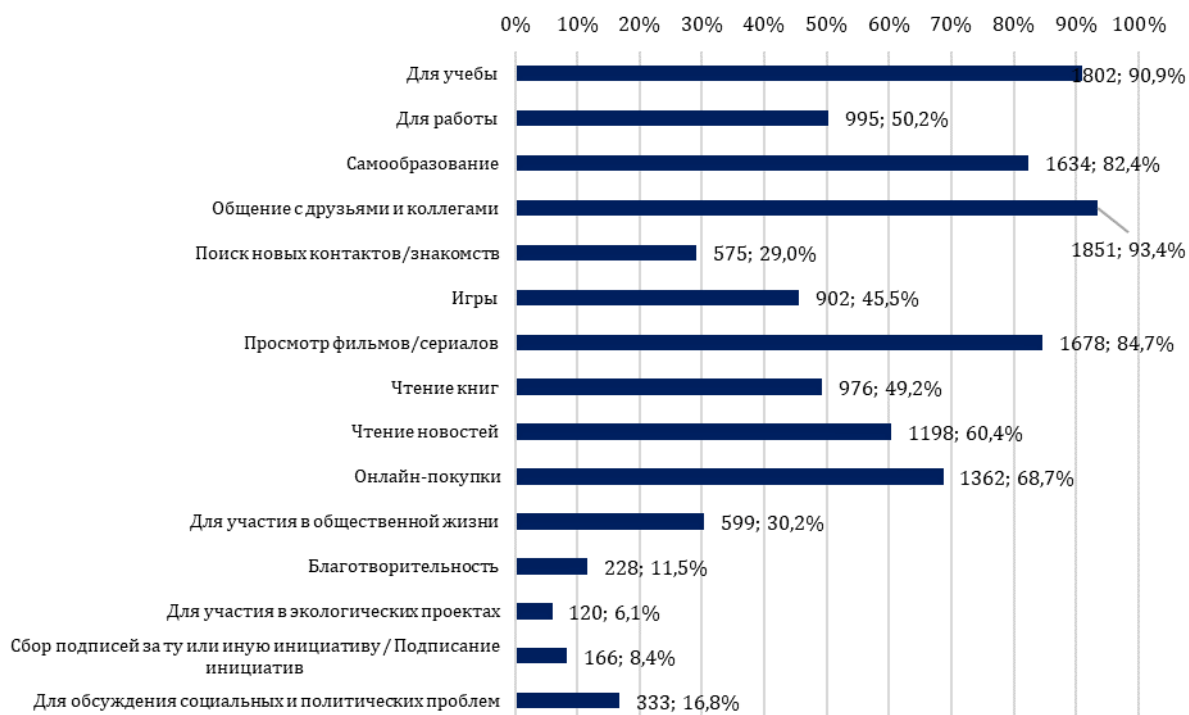


Рисунок 6. Распределение респондентов по целям использования Интернета⁹

В первую очередь Интернет используется молодежью для общения с друзьями и коллегами (93,4%) и для учебы (90,9%); для 82,4% респондентов Интернет является площадкой для самообразования. Полученные результаты согласуются с опросом, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ): «Среди молодых людей 18–24 лет необходимость дополнительного обучения признают 83%, а среди 25–34-летних — 81%»¹⁰.

С точки зрения преодоления цифрового разрыва второго порядка, который представляет собой неравенство в навыках активного использования технологий в повседневной деятельности [Добринская, Мартыненко 2019, 111], опрос подтверждает активное присутствие молодежи в цифровой среде: высокий процент использования Интернета в учебе, работе, для самообразования, общения, онлайн-шопинга.

Тем не менее в аспекте активности молодежи в Интернете в сферах, которые можно отнести к формам выражения своей гражданской позиции в цифровой среде — «Для участия в общественной жизни», «Благотворительность», «Для участия в экологических проектах», «Сбор подписей за ту или иную инициативу / Подписание инициатив», «Для обсуждения социальных и политических проблем», — появляется существенный разрыв по сравнению с первой группой целей использования Интернета респондентами. Однако стоит отметить, что полученные результаты являются достаточно высокими для социально-политической активности молодежи в цифровой среде при условии, что только 19% россиян в возрасте от 14 до 29 лет интересна политика¹¹. Поэтому можно согласиться с выводом, что интерес к политике у молодого поколения есть, но он носит скорее обобщенный и недетализированный характер

⁹ Составлено авторами. Примечание: Вопрос с множественным выбором: респонденты имели возможность выбрать более одного ответа. В связи с этим сумма ответов (14419) превышает число респондентов в выборке (1982); доля респондентов, указавших соответствующий статус, рассчитана от общего числа респондентов, поэтому их сумма превышает 100%.

¹⁰ Запрос на образование // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1> (дата обращения: 11.10.2021).

¹¹ Более 80% российской молодежи равнодушны к политике // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (дата обращения: 21.10.2021).

[Селезнева, Зиненко 2020, 196]. Полученные результаты отчасти подтверждают кластеризацию молодежных групп по использованию Интернета для активного участия в социально-политических практиках [Бродовская и др. 2019].

Особое внимание было уделено цифровым источникам, к которым обращается молодежь для получения актуальной информации. Для этого респондентам был задан вопрос «Откуда Вы получаете свежую информацию/новости?» (Рисунок 7).

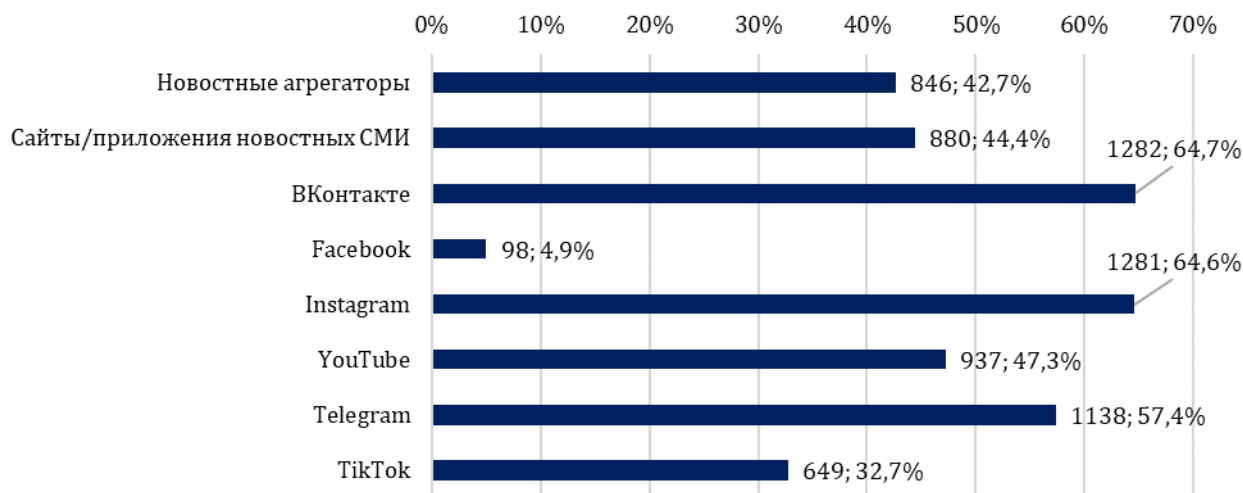


Рисунок 7. Распределение респондентов по цифровым источникам потребляемой информации¹²

Основными источниками информации являются социальные сети: «ВКонтакте» (64,7%), Instagram (64,6%) и Telegram (57,4%)¹³. При этом Facebook (4,9%) является аутсайдером в представленной группе источников информации. Вторая группа представлена более «классическими» источниками информации, такими как новостные агрегаторы (например, «Яндекс.Новости») (42,7%) и сайты/приложения новостных СМИ (44,4%).

Согласно данным ВЦИОМ, наибольший интерес аудитории цифровых источников информации вызывают следующие материалы: новости о событиях в стране и мире (49%), политика (42%), образование и саморазвитие (39%), юмор (37%), а также еда и рецепты (36%)¹⁴.

Респондентов также попросили оценить то, насколько они доверяют каждому из источников информации — как цифровых, указанных выше, так и традиционных (родители и родственники, друзья и сверстники). С этой целью им было предложено оценить степень достоверности информационных источников по шкале от 1 до 10, где 1 — «полностью не доверяю», 10 — «полностью доверяю». При статистической обработке полученных результатов была получена следующая таблица (Таблица 1).

¹² Составлено авторами. Примечание: Вопрос множественным выбором: респонденты имели возможность выбрать более одного ответа. В связи с этим сумма ответов (7111) превышает число респондентов в выборке (1982); доля респондентов, указавших соответствующий статус, рассчитана от общего числа респондентов, поэтому их сумма превышает 100%.

¹³ Стоит отметить, что мессенджер Telegram используется молодежью и как новостной агрегатор.

¹⁴ Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 21.10.2021).

Таблица 1. Результаты оценки респондентами степени достоверности информационных источников¹⁵

Источник информации	Среднее арифметическое	Медиана	Мода
Новостные агрегаторы	4.77	5	1
Сайты/приложения новостных СМИ	5.31	5	5
ВКонтакте	4.37	4	5
Facebook	3.71	3	1
Instagram	4.69	5	5
YouTube	4.95	5	5
Telegram	5.68	6	5
TikTok	3.55	3	1
Родители и родственники	5.37	5	5
Друзья, сверстники	5.42	5	5

Перечисленные выше источники информации пользуются разным уровнем доверия у респондентов. По результатам обработки полученных оценок респондентов явно просматриваются «лидеры доверия», к которым относятся как цифровые платформы (Telegram, сайты/приложения новостных СМИ), так и нецифровые источники (родители и родственники, друзья, сверстники). В эту группу попали те источники информации, которые имеют показатели среднего значения выше «5», то есть респонденты склонны скорее доверять им, чем относиться к ним безразлично. К «аутсайдерам доверия» можно отнести социальные сети TikTok и Facebook в силу следующих причин: TikTok носит преимущественно развлекательный характер; Facebook проигрывает своему отечественному аналогу и прямому конкуренту «ВКонтакте» (число респондентов, использующих последний источник, почти в 13,1 раз больше, чем пользователей Facebook).

Таким образом, можно констатировать, что молодежь активно получает информацию из цифровой среды, однако не рассматривает ни один цифровой источник как достоверный.

Невысокий уровень доверия респондентов приводит к тому, что только 3,5% респондентов не перепроверяют информацию (Рисунок 8). Однако стоит заметить, что только 35,9% респондентов часто перепроверяют информацию, тогда как 60,6% респондентов перепроверяют ее от случая к случаю, например, когда у них возникают сомнения в ее достоверности. При этом причинами таких сомнений, а также неприятия и отторжения потребляемой информации становятся следующие: «Информация кажется неправдоподобной» (1638 ответов, 82,6% от общего числа респондентов); «Информация отличается от того, что Вы знали» (826 ответов, 41,7%); «Информация активно взывает к чувствам, эмоциям» (723 ответа, 36,5%)¹⁶.

¹⁵ Составлено авторами.

¹⁶ Данные получены авторами.

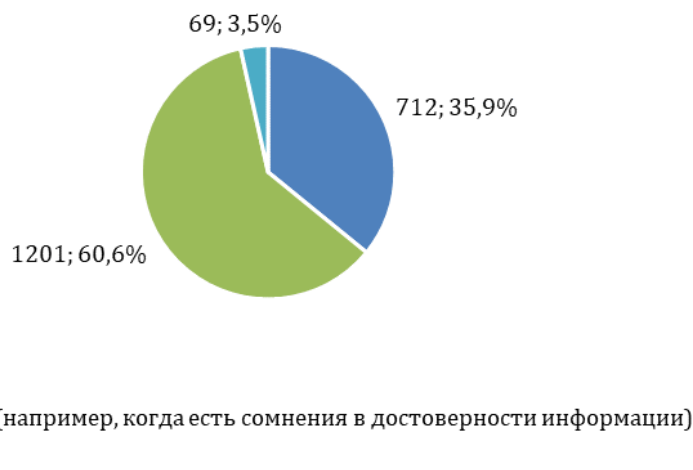


Рисунок 8. Распределение респондентов по частоте проверки информации¹⁷

Следует отметить, что способность респондента оценивать достоверность цифровой информации может свидетельствовать о его социально-политической зрелости.

Обсуждение результатов исследования

На основе результатов опроса молодежи можно выделить следующие ее группы, дифференцированные по основным характеристикам, определяющим степень и конвенциональность их гражданско-политической активности:

- 1) «инфантильная группа» (866 чел., или 43,7% от всех респондентов) — те, кто проживает с родителями и финансово зависит от них. 57,8% респондентов (1146 чел.) проживают с родителями, из которых 75,6% в качестве одного из источников средств к существованию указали «Обеспечение со стороны других лиц (родителей и др.)»;
- 2) «промежуточная группа» (695 чел., или 35,1% от всех респондентов) — те, кто имеет зависимость от родителей либо в жилищном (не живет с ними, но получает от них средства), либо в финансовом аспекте (живет с ними, но зарабатывает сам). Такое разделение представляется возможным, поскольку факт проживания вместе с родителями еще не означает наличия финансовой зависимости от них, как и отдельное от родителей проживание не означает наличия финансовой независимости. 35,6% респондентов (408 чел.) от числа тех, кто проживает с родителями, в качестве источника средств к существованию указали «зарботную плату» и/или «предпринимательский доход, самозанятость», из которых 41,4% респондентов (169 чел.) не берут денег у других лиц, что составляет 14,7% от тех, кто живет с родителями; среди респондентов, проживающих «отдельно от родителей в квартире/доме» (29,8%, 590 чел.) или «в общежитии» (11,4%, 225 чел.), что составляет 41,1% (815 чел.) от общего числа респондентов, 64,5% (526 чел.) в качестве одного из источников средств к существованию указали «Обеспечение со стороны других лиц (родителей и др.)»;

¹⁷ Составлено авторами.

- 3) «взрослая группа» (289 чел., или 14,6% от всех респондентов) — те, кто независим от родителей в плане места проживания и финансового благополучия. 35,5% респондентов, проживающих отдельно от родителей (в квартире/доме или в общежитии), в числе источников средств к существованию не указывали на финансовую зависимость от других лиц, в том числе родителей.

Сводная матрица характеристик, детерминирующих и выделяющих конкретные группы молодежи по степени и конвенциональности их гражданско-политической активности, в том числе в цифровой среде, представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Матрица характеристик, детерминирующих и выделяющих конкретные группы молодежи¹⁸

Возраст (лет)	Социальный статус		Популярные цифровые источники		Непопулярные цифровые источники		Источники с наиболее высокой оценкой доверия		Источники с наиболее низкой оценкой доверия		Основные цели гражданско-политического интернет-участия		Частота перепроверки информации			
	Статус	Доля (%)	Источник	Доля (%)	Источник	Доля (%)	Источник	Ср. оценка	Источник	Ср. оценка	Цель	Доля (%)	Частота	Доля (%)		
Инфантильная группа																
17-20 (74,8%) Ср.: 18,6	Студент бакалавриата/специалитета	54,0	ВКонтакте Instagram Telegram	68,0 64,9 59,4	Facebook TikTok	2,9 38,8	Telegram	6,0	Facebook TikTok	3,8 3,9	Для участия в общественной жизни Для обсуждения социальных и политических проблем	30,8 17,2	Часто Иногда Никогда	34,2 62,4 3,5		
	Учащийся техникума/колледжа	37,0					Друзья, сверстники	5,7							Родители и родственники	5,6
	Работаю в организации	20,3					Сайты/приложения новостных СМИ	5,5							Родители и родственники	5,3
Промежуточная группа																
18-21 (71,5%) Ср.: 20,1	Студент бакалавриата/специалитета	68,6	Instagram «ВКонтакте» Telegram	68,2 65,6 58,3	Facebook TikTok	4,0 29,9	Telegram	5,6	TikTok Facebook	3,4 3,6	Для участия в общественной жизни Для обсуждения социальных и политических проблем	30,2 19,1	Часто Иногда Никогда	35,4 61,9 2,7		
	Работаю в организации	24,3					Друзья, сверстники	5,3							Сайты/приложения новостных СМИ	5,3
	Учащийся техникума/колледжа	12,8					Родители и родственники	5,3							Родители и родственники	5,3
Взрослая группа																
18-26, 35 (75,4%) Ср.: 24,6	Работаю в организации	46,7	Instagram «ВКонтакте» Telegram	57,8 54,3 53,6	Facebook TikTok	14,2 20,8	Друзья, сверстники	5,1	TikTok Facebook ВКонтакте	2,8 3,7 3,8	Для участия в общественной жизни	31,1	Часто Иногда Никогда	43,6 52,6 3,8		
	Студент бакалавриата/специалитета	32,5					Telegram	5,1							Сайты/приложения новостных СМИ	5,1
	Студент магистратуры	15,9					Родители и родственники	4,9							Родители и родственники	4,9

¹⁸ Составлено авторами.

Основными информационными источниками «инфантильной группы», средний возраст представителя которой составляет 18,6 лет, а основной социальный статус — студент бакалавриата/специалитета, являются социальные платформы: «ВКонтакте» (68%), Instagram (64,9%), Telegram (59,4%), YouTube (48,7%); менее популярны новостные агрегаторы (45,7%) и сайты/приложения новостных СМИ (44%); «аутсайдеры» в этой группе — TikTok (38,8%) и Facebook (2,9%). При этом «лидеры доверия» среди цифровых источников здесь — Telegram, сайты/приложения новостных СМИ, молодые люди этой группы скорее доверяют им, нежели относятся к ним нейтрально; они также скорее склонны доверять информации, получаемой в ходе общения с родителями, родственниками, друзьями, сверстниками, при этом оценки доверия к ним распределены почти равномерно; платформы-«аутсайдеры» по использованию (TikTok и Facebook) также являются отстающими и по оценкам доверия. Гражданско-политическую активность эта группа проявляет в цифровой среде в первую очередь в виде участия в общественной жизни (30,8%) и обсуждения социальных и политических проблем (17,2%). В «инфантильной группе» перепроверкой информации часто занимаются 34,2% представителей группы, а не проверяют информацию совсем 3,5%, что близко к средним значениям по всей выборке.

«Промежуточная группа», средний возраст представителя которой — 20,1 лет, а основной социальный статус — студент бакалавриата/специалитета, предпочитает получать новости из Instagram (68,2%), «ВКонтакте» (65,6%) и Telegram (58,3%); молодежь этой группы также довольно активно использует YouTube (47,9%) — чуть чаще, чем сайты/приложения новостных СМИ (47,2%), а новостные агрегаторы у нее пользуются заметно меньшей популярностью (39,6%); замыкают этот список также TikTok (29,9%) и Facebook (4,0%). Наиболее высокие оценки доверия транслируемой информации у мессенджера Telegram, также представители этой группы более склонны доверять данным сайтов/приложений новостных СМИ и информации, получаемой в ходе личного общения с близким кругом людей; ниже всего молодежь из «промежуточной группы» также оценивает достоверность информации в Facebook и TikTok, но последний источник в этой группе, в отличие от предыдущей, получил самые низкие оценки. В разрезе гражданско-политического участия эта группа чуть меньше, чем «инфантильная», использует Интернет для участия в общественной жизни (30,2%), чуть больше — для обсуждения социальных и политических проблем (19,1%), и эти цели участия также являются наиболее часто отмечаемыми. По частоте перепроверки информации «промежуточная группа» мало отличается от «инфантильной», хотя доля тех, кто никогда не перепроверяет информацию, в ней наименьшая среди всех групп (2,7%).

Что касается «взрослой группы», средний возраст представителя которой — 24,6 лет, а основной социальный статус — «Работаю в организации», то наиболее популярные источники здесь располагаются в том же порядке, что и у «промежуточной группы», но ими в целом пользуются заметно меньшие доли членов группы: Instagram (57,8%), «ВКонтакте» (54,3%) и Telegram (53,6%); сайты/приложения новостных СМИ (46,4%) здесь, в отличие от других групп, более популярны, чем YouTube (42,9%), который используют почти такое же число представителей, что и в случае с новостными агрегаторами (42,6%); снова замыкают этот перечень TikTok (20,8%) и Facebook (14,2%), но у последней социальной сети уровень использования наблюдается существенно более высокий, чем в других группах. Выше всего представители «взрослой группы» оценивают достоверность информации, получаемой от друзей и сверстников, из Telegram и сайтов/приложений новостных СМИ (примерно равные средние значения при сопоставимых показателях разброса), немного ниже оценки достоверности информации, получаемой от родителей; к «аутсайдерам доверия» во «взрослой группе» присоединилась социальная сеть «ВКонтакте», информации

из которой доверяют немногим больше, чем в случае с Facebook, а TikTok как цифровой источник получил здесь самые низкие оценки среди всех групп. Гражданско-политическую активность эта группа проявляет в цифровой среде прежде всего в виде участия в общественной жизни (31,1%); представители «взрослой группы» меньше остальных участвуют в обсуждении социальных и политических проблем (11,8%), которое по этому показателю превзошла форма участия в виде благотворительности (13,5%, что является самым высоким значением среди всех групп). Важно также отметить, что доля представителей группы, часто перепроверяющих информацию (43,6%), здесь существенно выше, чем в «инфантильной» и «промежуточной» группах, хотя и доля тех, кто информацию не перепроверяет, в этой группе наибольшая (3,8%, что мало отличается от среднего показателя по выборке).

В целом следует выделить ряд тенденций, наблюдаемых в молодежной среде при переходе из «инфантильной группы» во «взрослую», как правило, через «промежуточную группу» — процессе, в общем случае сопровождающемся ростом социально-политической зрелости молодежи. Закономерным является рост среднего возраста представителя группы, уровня его образования и степени его включенности в трудовую и предпринимательскую деятельность. При переходе в группу более высокого уровня в среднем снижается присутствие молодежи в цифровой среде (с 3,7 цифровых источников, используемых представителем «инфантильной группы», до 3,3 во «взрослой группе»), что видно на примерах социальных платформ «ВКонтакте», Telegram, YouTube и особенно TikTok; обратная тенденция отмечается лишь для площадки Facebook, которая появилась и обрела популярность в российском сегменте Интернета раньше ее аналога «ВКонтакте» и которой потому в основном пользуются представители старшей молодежи.

В целом от группы к группе наблюдается снижение доверия к любым источникам информации, большинству из них скорее не доверяют, чем относятся к ним нейтрально; более того, заметно растет доля тех, кто часто перепроверяет информацию. Наибольшая разница в оценках достоверности между «взрослой» и «инфантильной группой» характерна в первую очередь для такого источника, как TikTok; значительна она для Telegram, YouTube и «ВКонтакте»; чуть меньше — для Instagram и, что интересно, родителей и родственников; доверие к Facebook, наоборот, снижается меньше всего, а при переходе от «промежуточной» к «взрослой группе» оно даже растет.

С точки зрения гражданско-политического интернет-участия наблюдается следующая ситуация: если при переходе в группу более высокого уровня доли участвующих в общественной жизни, в экологических проектах и подписывающих (собирающих подписи за) ту или иную инициативу остаются относительно неизменными, то доля участвующих в благотворительности стабильно растет, в то время как доля обсуждающих социальные и политические проблемы во «взрослой группе» ощутимо снижается. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о росте интереса к благотворительным проектам в более старшем возрасте, в том числе в связи с расширением финансовых возможностей молодежи, и о снижении желания выражать свою искреннюю гражданскую позицию в публичном поле по мере взросления — с другой. В любом случае всем группам молодежи (почти каждому третьему ее представителю) в значительной мере интересно участие в общественной жизни посредством цифровых площадок. Описанные характеристики и тенденции необходимо учитывать при формировании и реализации молодежной политики, направлений и механизмов мобилизации социально-политической активности молодых людей.

Представленный формат социального портрета молодежи подтверждает правильность выделения ее в качестве значимой социально-перспективной и особой группы населения. Именно поэтому поправки в Конституцию Российской Федерации определили значительную стратегическую роль молодежи в развитии общества. После длительного периода обсуждений в научном, экспертном и управленческих кругах необходимости формирования федеральной нормативной правовой базы в этой области принят закон «О молодежной политике в Российской Федерации»¹⁹. Создано реальное правовое поле для консолидации в рамках единой стратегии всех направлений государственной политики по укреплению социального статуса всех групп молодежи. На наш взгляд, требуется коренной переход от реализации контрольных и патронажных практик по отношению к различным кластерам молодежи преимущественно от 14 до 20 лет к развитию партнерских, сотрунических форм с более широкими слоями групп участников, поскольку на сегодняшний день структурные подразделения Росмолодежи взаимодействуют в основном лишь с политически лояльными группами. Необходимо, чтобы государство взаимодействовало в том числе и с критически настроенным сегментом молодого поколения [Камалова, Соловьев 2020] на уровне выведения их на открытые дискуссионные онлайн- и офлайн-площадки, привлечения к участию в дебатах и совместных конструктивных действиях. Важно, чтобы большинство социально значимых экономических запросов молодежи, связанных с профессиональным, социокультурным и ценностным развитием, поддерживалось на уровне конкретных государственных решений. Проактивная государственная молодежная политика должна быть направлена на развитие таких форм сетевого взаимодействия, которые предполагали бы расширение молодежной аудитории, вовлеченной в реальные социально-экономические преобразования с учетом специфики потребностей конкретных регионов.

Заключение

В результате проведенного исследования по определению наиболее типичных характеристик в социальном портрете активных молодых пользователей информационных ресурсов были сделаны следующие выводы. В соответствии с многовекторностью современной цифровой среды можно выделить как положительные, так и отрицательные направления ее воздействия на состояние социально-политической активности молодежи, отношение конкретных групп молодых пользователей к оценке достоверности информации, получаемой из цифровых и нецифровых источников, осознание перспектив своего участия в конкретных социально-политических практиках. Использование количественных и качественных методов позволило развить и дополнить базовые характеристики социального портрета конкретных групп молодежи как активных участников цифровой среды.

Выявлены следующие подгруппы молодежи по социальным характеристикам, которые оказывают влияние на степень участия в реальных общественных практиках: «инфантильная группа», «взрослая группа» и «промежуточная группа», что в некоторой степени развивает и дополняет исследования других авторов по определению вектора влияния цифровой среды на социальную активность молодежи. Дальнейшее развитие исследования будет направлено на уточнение причин и факторов, определяющих дифференциацию состояния социально-политической активности в разных возрастных группах молодежи. Это позволит таргетировать государственную социальную политику по фокусированию интересов молодежных сообществ и вовлечению их в позитивные социальные практики.

¹⁹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 11.10.2021).

Список литературы:

- Блинова О.А., Горбунова Ю.А. Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. 2021. № 3. С. 20–34. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-3-20-34](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-20-34).
- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Стратегии цифрового поведения российской молодежи в контексте формирования гражданских и профессиональных компетенций // Свободная мысль. 2019. № 4 (1676). С. 109–118.
- Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. DOI: [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01).
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120. DOI: [10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120).
- Истягина-Елисеева Е.А., Бариеникова Е.Е., Болдырева А.В. Включенность российской студенческой молодежи в интернет-коммуникации как фактор формирования моделей их социально-политической активности // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 3. С. 12–20. DOI: [10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20).
- Камалова М.И., Соловьев А.И. Государственная молодежная политика: проблемы и траектории развития в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 62–83. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10109](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10109).
- Кружкова О.В., Воробьева И.В., Девятковская И.В. Ценностный портрет молодежи в контексте использования просоциальных и асоциальных маргинальных политических практик // Педагогическое образование в России. 2021. № 2. С. 150–160. DOI: [10.26170/2079-8717_2021_02_18](https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_02_18).
- Леньков Р.В., Колосова О.А., Ковалева С.В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 31–41. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41).
- Леонтьева Л.С. Совокупная организационная культура как управленческий ресурс регионального развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 1. С. 6–11. DOI: [10.25198/2077-7175-2019-1-6](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-1-6).
- Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышников А.Г. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 444–456. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456).
- Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 192–208. DOI: [10.18384/2224-0209-2020-2-1012](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1012).
- Степанов О.В., Пухкалова М.О. Государственная молодежная политика как фактор снижения девиантного поведения молодежи // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 30–36.
- Gere C. Digital Culture. London: Reaktion Books, 2002.
- Green L., Brady D. Young People Online // A Companion to New Media Dynamics / ed. by J. Hartley, J. Burgess, A. Bruns. Chichester: Blackwell Publishing, 2013. P. 461–471. DOI: [10.1002/9781118321607.ch33](https://doi.org/10.1002/9781118321607.ch33).

References:

- Blinova O.A., Gorbunova YU.A. (2021) Political Communication Strategies of Young People in the Digital Space: Possible Outcomes. *Voprosy upravleniya*. No. 3. P. 20–34. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-3-20-34](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-20-34).
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.YU., Pyrma R.V., Azarov A.A. (2019) Strategies of the Digital Behavior of Russian Youth in the Context of Civil and Professional Competence Formation. *Svobodnaya mysl'*. No. 4 (1676). P. 109–118.
- Brodovskaya E.V., Huang T. (2019) Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. No. 5. P. 3–18. DOI: [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01).
- Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. (2019) Perspectives of the Russian Information Society: Digital Divide Levels. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. Vol. 19. No. 1. P. 108–120. DOI: [10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120).
- Gere C. (2002) *Digital Culture*. London: Reaktion Books.
- Green L., Brady D. (2013) Young People Online. In: Hartley J., Burgess J., Bruns A. (eds.) *A Companion to New Media Dynamics*. Chichester: Blackwell Publishing. P. 461–471. DOI: [10.1002/9781118321607.ch33](https://doi.org/10.1002/9781118321607.ch33).
- Istyagina-Eliseeva E.A., Barijenikova E.E., Boldyreva A.V. (2020) Involvement of Russian Student Youth in Internet Communications as a Factor in the Formation of Models of Their Socio-Political. *Tsifrovaya sotsiologiya*. Vol. 3. No. 3. P. 12–20. DOI: [10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20).
- Kamalova M.I., Solovyov A.I. (2020) State Youth Policy: Problems and Ways of Development in Modern Russia. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 83. P. 62–83. DOI: [10.24411/2070-1381-2020-10109](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10109).
- Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V., Devyatovskaya I.V. (2021) Value Portrait of Youth in the Context of Using Prosocial and Asocial Marginal Political Practices. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 2. P. 150–160. DOI: [10.26170/2079-8717_2021_02_18](https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_02_18).
- Len'kov R.V., Kolosova O.A., Kovalyova S.V. (2021) Socio-Psychological Diagnostics and Forecasting Protest Behavior of Youth in the Digital Environment. *Tsifrovaya sotsiologiya*. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 31–41. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41).
- Leontieva L.S. (2019) Aggregate Organizational Culture as a Managerial Resource for Regional Development. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. No. 1. P. 6–11. DOI: [10.25198/2077-7175-2019-1-6](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-1-6).
- Puzanova ZH.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. (2021) Infantilization of the Youth: A Methodological Approach to Measurement. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. Vol. 21. No. 3. P. 444–456. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-444-456).
- Selezneva A.V., Zinenko V.E. (2020) Political Activity of Russian Youth: Current Development Trends. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No. 2. P. 192–208. DOI: [10.18384/2224-0209-2020-2-1012](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1012).
- Stepanov O.V., Pukhkalova M.O. (2009) Public Youth Policy as Factor of Decline of Addiction Conduct of Young People. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 1. P. 30–36.

Дата поступления/Received: 10.11. 2021